

ЕВГЕНИЯ
АЛЕКСАНДРОВА

ЗАВТРА Я СТАНУ ОГНЕМ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Иллюстрация на переплете *tatkatmur*
Внутреннее оформление *Анны Борониной*
Разработка дизайна *Кати Петровой*

Александрова, Евгения Александровна.
А46 Завтра я стану огнём / Евгения Александрова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-225805-3

Дарханы — древний орден магов, поклявшихся служить императору и Четырём богам. Но не все готовы склонить голову.

Кейсару ди Мори отправляют в священный город богов, чтобы сделать из неё послушное оружие. Её дар — огонь, способный как спасать, так и уничтожать. В ордене учат владеть не магией, а собой — и это испытание труднее любого боя.

Кейсара не хочет служить и не верит Четырём богам, но встретив наставника Бьёрна — холодного, насмешливого северянина, — впервые понимает, что с опасностью предстоит столкнуться задолго до выхода на поле боя...

Когда вера превращается в оружие, остаётся лишь понять — кому ты служишь на самом деле?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225805-3
© Луковская Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава I

В которой я обманываю, но всё идёт не по плану

Я снова едва не провалилась в маленькое пламя в подсвечнике — оно внезапно разгорелось до размеров целой комнаты.

Пришлось много раз моргнуть, чтобы это ощущение пропало и чтобы не казалось, будто огнём охвачены и я, сидящая за столом, и вся моя семья, которая собралась на торжественный прощальный ужин в мою честь.

— Ке-е-ей, — громко протянул на ухо Тавиан. — Прекрати пропадать, мы тут вообще-то о тебе говорим.

— А? — Я очнулась окончательно и осмотрелась по сторонам.

Напротив, убрав со лба тёмные волосы, нахмурился и откинулся на спинку стула отец. Мама взглянула на меня исподлобья, будто с опаской, и ясный взгляд её больших карих глаз наполнился тревогой, а губы поджались.

Я глубоко вдохнула, возвращая себе контроль. Мы дома — в нашем светлом, просторном поместье среди тростниковых плантаций. Вокруг несколько слуг, на столе сервиз из тонкого серебра и ужин: запечёная рыба с заправкой из смеси специй и тростникового

сахара, пирог из тростникового сахара с корицей, печенье из тростникового сахара... Нет, здесь не всё сделано из тростникового сахара, по крайней мере, вино мы пьём из винограда.

Мои родители богаты, но я знаю, какую цену они заплатили за эти земли двадцать лет назад. Тогда мой отец, Риан ди Мори, только начинал путь — и, чтобы защитить свою избранницу, вынужден был раскрыть правду, что он — маг. Он смог уберечь маму, наследницу этих земель, от мага-чужака, который хотел подчинить её своей извращённой власти...

Я медленно перевела взгляд с одного лица на другое, и каждое казалось мне чрезмерно участливым, аж до дурноты: переживают за меня, хоть и пытаются это скрыть.

— С возвращением, — покачал бокалом старший брат, сидевший по правую руку. — Что и стоило доказать.

— Что? Кому... доказать? — Я повернулась в его сторону и услышала невеселый смешок отца.

Тавиан склонился ко мне и громко прошептал на весь зал с ухмылкой:

— Что ты не в себе, кроха.

Кроха! Я уже давно не кроха, только он, похоже, не заметил!

— Всё со мной в порядке, — привычно отмахнулась я от брата и пихнула его плечом. — Лучше за собой следи. Вон, смотри, чуть стакан не уронил.

Тавиан молча поджал губы. Он знал, что иногда его левая рука теряет чувствительность и немеет, и злился, когда это замечали. Впрочем, это ничуть не мешало ему заигрывать со всеми девушками нашего общества, даже самыми знатными.

Хотя его травмы, как бы он ни злился, были ерундовой — по сравнению с тем, что могла сотворить я, если теряла контроль.

Когда позволяла огню слишком многое.

— Кейсара, — обратился отец чуть устало, — ты как?

Я вздохнула, покрутила в руке вилку, взглянула на нож в другой. Надо было поесть, но не то что кусок в горло не лез — даже смотреть на еду было нехорошо.

— Нормально. Простите, совершенно не чувствую аппетита сегодня, так душно...

Подхватив веер, я даже обмахнулась пару раз, посоветовав вслух, что старинное украшение над столом, которое раскручивалось слугами и дарило долгожданный ветерок, уже совсем слабо спасает.

Поднявшись из-за стола, я добрела до кресла у окна. Мари с ворчанием убрала мой недопитый бокал и оставленную еду, но я только отвернулась к окну, отвлекая на себя внимание и давая верной служанке незаметно вытащить из-под тарелки предназначенную ей записку.

— Позвольте мне остаться, — сделала я ещё попытку, но даже мать не вступилась, только сокрушённо покачала головой.

Взор её стал горьким, но я знала, что она не будет открыто спорить с отцом. Только вовсе не потому, что была покорной его мнению, а потому что полностью во всем доверяла: они оба считали, что мне нужна помощь.

Отец, ставший одним из крупнейших плантаторов, в последнее время всё чаще говорил не об урожае тростника, убытках из-за небывалой жары в этом году. Даже почти позабыл о любимых лошадях и выезде: всё внимание — на заботу о людях и семье.

Новые завоевания императора Сиркха, агрессивный набор людей с магическим даром в рекруты, ещё более жёсткие законы, ущемляющие права не-магов... Вот и сейчас, кажется, с этого начался ужин — когда отец с силой сжал в пальцах приборы и знакомым образом опустил голову, готовый броситься в бой за тех, кто ему дорог.

И вместе с тем его открытый, пронизательный взгляд чёрных глаз то и дело падал на меня или маму.

Мы с ней так похожи: кудрявые волосы, жгучие глаза, страсть к лошадям, несносный характер и вспыльчивость, с которой сложно было управляться, особенно таким благовоспитанным девушкам из высшего общества, какой являлась я.

Магии только у мамы не было — но была своя сила, почти ведьминская. Говорили, она не изменилась — всё та же Ясмин, непокорная, гордая, прославившаяся тем, что защитила поместье от магов-захватчиков. Иногда мне казалось, что она едва ли не моя ровесница — со смехом возилась со мной, выбирала платья, частенько приходила поговорить по душам. Никто не ждал, что свободолюбивая Ясмин с рождением детей станет примерной хозяйкой и матушкой. Она и не стала — сохранила свой нрав, о котором уже слагали легенды.

— Кейсара ди Мори. Ты сама знаешь, что больше мы не имеем права тянуть. — Отец вздохнул, поднимаясь из-за стола. — В конце концов, ты уже взрослая, тебе почти восемнадцать, сама понимаешь. Мы сделали, что могли, но этого оказалось недостаточно.

Голос отца, мягкий и раскатистый, стал твёрже, хотя я всё равно слышала в нём сопереживание. Интересно, после того как пострадал на службе его стар-

ший сын — всё равно готов отдать и дочь отправить этой же дорогой?

— Три года — это слишком долго!

Три года обучения у дарханов в этом проклятом, почти военном, суровом монастыре — это три года моей жизни, полные лишений и отказов от всего, к чему я привыкла.

И это только меньшее из зол, ведь после обучения я могу попасть в армию на передовую, пострадать, как мой брат, или ещё хуже. А может, пострадают и другие.

— Мы тоже думали, что обойдётся, — вздохнула мама и поднялась из-за стола, — но ты сама видишь, что это не так.

— Мы можем попробовать ещё, нанять другого... учителя.

Чем закончилось моё обучение с прошлым наставником, в семье вспоминать было не принято. Мало того что это было больно, но ещё и нанесло большой вред репутации всей нашей семьи, и только сейчас, спустя несколько лет, соседи и благородные господа из столицы смиростивились, приняли во внимание мою тогда юность и готовы были снова приветствовать нас со всем уважением, как прежде.

— Нет, Кей. Дарханы сказали, что должно быть так, — произнёс отец.

— Они не боги!

— Они — наместники богов, — со странным смешком возразил он. Затем подошёл ко мне ближе и уселся на подлокотник кресла, и я невольно остановила взгляд на следах ожогов, уродливо ползущих по его правой руке: кисти и выше до локтя. — По крайней мере, они в это верят.

— А ты?

— А я тоже — наместник, — насмешливо взглянул отец.

Я состирила ему физиономию, хоть не могла не признать его силу. Папа был красив для своего возраста: вызывающе темноволосый, без единой седой пряди, подтянутый и загорелый, с блестящими глазами, а ведь ему за сорок. Но маги умеют сохранять молодость гораздо дольше.

Это было той тихой радостью, которая грела душу, — должны же у меня быть хоть какие-то преимущества, а не только страдания!

У отца, в отличие от меня, вместо стихийного дара была связь с живой энергией, как и у Тавиана. Они оба проходили обучение у дарханов и сейчас, когда маги стали у власти и во главе всей огромной Ивварской империи, легко находили применение своей силе.

Мой же огненный дар требовал постоянного контроля, что удавалось всё хуже, а подходящих дарханов из древнего ордена, обладающих тайными знаниями, на Корсакийских островах найти не удалось.

Я снова оглядела лица всех собравшихся в гостиной.

Тавиан — гордец и хитрец, похожий на отца статью и взглядом, как ни в чём не бывало уплетал горячий ужин. Брат был старше меня всего на год с небольшим, а на его плечи уже взвалили немало дел. Наследник! Будущий глава рода ди Мори.

Это от меня пока можно избавиться.

— Прямо семейка богов, не иначе, — буркнула я.

Мама фыркнула. Ну да, у неё дара не было. Однако даже сейчас, когда в империи каждый маг считал себя приближённым к богам, её это ничуть не смущало.

— Может, вы мне лучше мужа найдёте? — безнадежно подняла я голову, вопрошая то ли у родных, то ли

у самих богов. — Уеду в глушь, не буду никому мешать, вы обо мне позабудете, как и все дарханы, вместе взятые.

— Замуж? Ну нет, сестра, с твоим характером в монастырь тебя отправить куда проще, — хохотнул братец.

— Иди ты!

— Лично готов проводить тебя в путешествие, — галантно склонил он голову.

Всё решено — я обвела взглядом их лица. Не надо владеть другой магией, чтобы это прочитать.

— А если я всё равно откажусь и сбегу?

Мама посмотрела на отца и выразительно округлила глаза, как будто вела разговор с ним наедине, а не в моем присутствии:

— Как у нас родилась такая упрямая дочь?

Отец повернулся к ней с его вечной дразнящей улыбкой и выразительно приподнял бровь — до того красноречиво, что даже я хмыкнула.

— Я не настолько!.. — возразила с жаром мама, но передумала спорить.

Отец многозначительно промолчал, а затем снова обратился ко мне и произнёс вкрадчиво:

— Это последняя возможность разобраться с даром. Я хочу, чтобы с тобой всё было в порядке. И прости, что я не могу сам тебе помочь. Ни я, ни твой брат, ни другие учителя на острове. Ты же знаешь, мы пробовали.

— Хорошо, — покорно улыбнулась я, успокаивая всех разом. — Ладно. Я поеду.

— Так просто? — недоверчиво скрестила руки на груди мама и посмотрела так пронизательно, как умеют, наверное, все матери, запросто считавающие враньё.

— Ради вас.

— Утром приедет человек от них, который будет тебя сопровождать, — ещё разглядывал меня с подозрением отец. — Ты собрала оставшиеся вещи? Ты готова?

— Да, отец, — мило улыбнулась я.

И соврала. Но вся семья так же старательно делала вид, будто верит в моё неожиданное послушание. Мы все играли в эту игру, возможно, чтобы ещё немного побыть вместе. Все эти дурацкие шуточки, подначивания брата, милые препирания родителей — мне будет этого ужасно не хватать. Только бы не выдать себя слезами.

Надеюсь, это действительно пустит их по ложному следу, поэтому в записке для Мари я уточнила время ночной встречи. Готовилась я давно, так что всё должно пройти гладко.

Некоторое время мы обсуждали будущее — как всё сложится, когда я уеду, как пройдёт служба, которую теперь обязаны нести все маги, и мужчины, и женщины. Новый закон не оставлял никому и шанса на поблажки: после обучения — ещё как минимум два года одарённые проводят под знаменем империи.

Тавиан учился четыре года, возвращаясь домой всего пару раз, и ещё полтора — до ранения — служил в армии на Итене. Он никогда не рассказывал подробности, не любил вспоминать об этом. Никто не любил.

Император Сиркх за двадцать лет правления подавил не одно восстание — и против своей власти, и против магов в целом. Но слухи говорили, что теперь он собирает армию куда серьёзнее — на случай войны с коалицией северных стран, которым власть

магов — растущая, как и границы нашей империи — давно была поперёк горла.

И стать очередной деталькой в его сверкающей, огненной военной машине было бы для меня худшим кошмаром. Потому что я не верю в то, что он говорит. Не верю в его мечту, в его порядок, в его светлое будущее.

Но и выбора у меня будто бы нет.

Остаться — нельзя. Остаться — подвести всех, снова поставить под угрозу семью, их репутацию и помешать всем делам, не говоря уж о том, чтобы снова стать опасной для чьей-то жизни.

А я не хочу быть врагом для тех, кого больше всего люблю. Так что решено.

В коридоре я поймала Мари, с подсвечником в руках спешащую на третий этаж.

— Госпожа, — склонилась служанка, глядя на меня украдкой.

— Ты готова? — строго спросила я, точно таким же тоном, каким спрашивал меня отец.

Поймала себя на этом и улыбнулась, чувствуя, как щиплет глаза.

— Конечно... Но, может...

— Это моя последняя попытка. Клянусь. Всё пройдет хорошо.

Я ушла из дома так тихо, что не скрипнула ни одна доска.

Каждый из семьи пожелал мне спокойной ночи, один за другим заглядывали в комнату — словно я снова та самая маленькая Кейсара, полная эмоций и страхов, которая не может уснуть без маминого голоса и папиных объятий.

Даже Тавиан заглянул, отвесил лёгкий щелчок, что-то снова глупо пошутил и посоветовал утром не спать слишком долго — дарханы не ждут. Он, возможно, единственный, кто почувствовал подвох. Или просто не хотел прощаться.

Когда весь дом затих, я на цыпочках прошла по комнате, проверяя, не скрипит ли пол. Забрала сумку — лёгкую, собранную заранее — и стала действовать по плану.

Оделась просто, почти по-деревенски: скромное льняное платье, сшитое бабушкой по моим меркам, — высокий ворот с тонким кружевом, мягкая юбка, не стесняющая движений. Накидку спрятала в сумку, заколола основную массу волос в небрежный пучок на макушке, нацепила небольшую шляпку с козырьком от солнца.

Я уезжаю не как наследница или невеста с богатым приданым, лишь как та, кто хочет исчезнуть на время. Проведу несколько лет в тишине и с учителем, которому я могу доверять. Подальше от политики, Ивара и армии — пусть для многих это была бы великая честь!

Скрепя сердце я уходила из любимого дома, ступая в благоухающую цветами ночную темноту, к стрёкоту сверчков под звёздами. Мне восемнадцать, и я уже не могу надеяться на других. Пора самой определять свою судьбу.

Добравшись до внешней границы сада, я всё-таки обернулась. Наверху, в открытом окне, лениво колыхалась занавеска — там, где уже наверняка посапывал братец. То-то будет у него удивление, когда утром поднимется на уши весь дом. Казалось, Тавиан всё же поверил, что я послушаюсь наставлений и отправлюсь к дарханам в монастырь — они ведь прижали меня к стене.

Хотя он и прошёл обучение, и добился уважения, и отслужил в армии, и уже почти стал отцовской правой рукой... всё равно, где-то внутри наверняка жгло — что особая сила досталась мне. Нестабильной, капризной, взбалмошной — по их мнению.

Будь моя воля — я бы с радостью поменялась. Отдала бы ему этот огонь, эту ответственность. Пусть бы он носил на теле мои шрамы, пусть бы он уходил этой ночью, а не я.

Но, клянусь Ао и Теа, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы магия стала мне послушна — и чтобы я заняла равное место с отцом и братом, среди тех, кому благоволят боги.

Я вышла из тени эвкалиптов — и экипаж оказался там, где и должен был быть: в укромном месте за рощей, с приоткрытой крышей. Днём она спасала от палящего солнца, ночью впускала звёзды и ветер в лицо.

Кучер сидел молча, ждал. Я быстро забралась внутрь, поправила шляпу, низко опустив поля.

— Трогай, — сказала я.

Ночью экипаж скользил словно тень по знакомым дорожкам, унося всё дальше от дома. Но успех моего «побега» зависел от того, удалось ли намекнуть родителям на ложную цель. Я постоянно оглядывалась, но вокруг никого не было, ни впереди, ни позади.

Прощайте, любимые плантации, прощай, дом, так уютно мерцающий крохотными огнями в ночи, прощайте, эвкалиптовые рощи и холмы, прощай, бурный океан, голубой в полдень и загадочно-тёмный после заката солнца.

Только с Великими Духами острова я прощаться не собиралась, как и с нашей старой верой, как и с

традициями, уходящими в глубь веков — туда, в самую первоначальную нашу суть, о которой пели наши ведуньи и рассказывали легенды.

Я упрямо поджала губы.

Спустя полчаса впереди показался дом Арона — бывшего учителя Тавиана, по совместительству ставшего и моим наставником. Мага с разрешением дарханов и человека, которого я однажды — слишком сильно — полюбила.

Достаточно взрослый, опытный, он пытался научить меня контролю, но я срывалась раз за разом. Он работал с живой энергией, а во мне жил огонь — и когда он вырывался, я могла испепелить всё.

Даже Тавиан в тот день, устав наблюдать за нашими бесполезными попытками и давать под руку свои, несомненно бесценные, советы, давно ушёл, и мы с Ароном остались наедине в самом большом балльном зале нашего поместья.

Об этом уже ходили слухи, и отец грозился запретить уроки, последним требованием стало присутствие моего брата и других наблюдателей.

— Я не могу... — прошептала я, сдаваясь чувствам. — Это будто сильнее меня.

— А я не могу тебе помочь, — ответил он.

Но, глядя в мои глаза, поднёс пальцы к подбородку и вдруг... поцеловал. Мягко, будто прощаясь. Будто извиняясь за своё бессилие.

Поцелуй вместо обучения, поцелуй, чтобы отвлечь меня от идеи владения стихийной магией, которой я одержима.

Я задержала дыхание, застыла, не шевелясь, но от этого мягкого прикосновения внутри вспыхнула такая буря, что захотелось кричать. Я не успела. Не успела взять себя в руки, не успела что-то выдохнуть, первый, столь желанный пре-

жде, поцелуй превратил меня не в трепетную, дрожащую от чувств влюблённую девушку, а в раскалённую фурию.

Разом полыхнул огонь во всех светильниках. Я закричала, чувствуя, что теряю контроль. Огонь, растущий изнутри, пронёсся обжигающей волной и смёл всё, что подчинялось его власти: ткани, обшивку стен, огромные гардины на окнах...

Меня вытащил отец — без сознания. Арон едва не погиб, и, конечно, вокруг поползли самые некрасивые версии, отчего так произошло, а некоторые припоминали прегрешения моей матери, что однажды сожгла урожай тростника, защищая себя и свои земли от вторжения мага с севера.

— Сюда, госпожа? — хрипло уточнил кучер и кашлянул пару раз, привлекая моё внимание, когда мы оказались неподалёку от знакомого дома.

Мне показалось, что в его голосе даже прозвучала насмешка. Но нет, старик возникший верен и предан нашей семье много лет. Мари обещала, что он будет держать язык за зубами даже под пытками.

Так хотелось сказать: «Да, поворачивай!».

«Я обязательно вернусь», — прошептала я себе под нос одними губами.

— Нет! — быстро и тихо приказала я кучеру, пока мы оставались незаметными в этом лесу на маленькой тропе. — Мы едем в другое место.

— Как прикажете, — пожал плечами кучер, коротко на меня оглянувшись в темноте. — Куда?

Я назвала указанное ведуньей место, выслушала недоумённое цоканье языком, но вожжи послушно взметнулись, и верная кобылка повезла нас ещё дальше. Откинувшись назад, я глядела на ночное небо и мелькающие вокруг высокие деревья с густыми кронами.

